

Чжао-гэр не стал спешить домой. Крепко держа Гуай-цзая за руку, он направился к деревенскому плотнику. Всю дорогу его щеки пылали от смущения — он шел заказывать новую кровать.

Старик Ван, завидев гостя, лишь лукаво прищурился. Не успел юноша и рта раскрыть, как плотник, усмехнувшись в седую бороду, проговорил:

— Тебе, небось, покрепче да попросторнее, верно?

Лицо Чжао-гэра вспыхнуло еще ярче, и он едва слышно выдавил:

— Угу.

— Да ты не стыдись, — благодушно отозвался старик Ван. — Ко мне и молодые, и старые со всей деревни за кроватями ходят. И наказ у всех один: чтобы стояла намертво и места было вдоволь.

«Дворы в деревне тесные, комнаты примыкают одна к другой, а саманные стены — дырявое решето для звуков. Если кровать не будет добротной, то ночные забавы станут достоянием всей округи, словно ты самолично объявляешь соседям, что у вас в спальне черти бьются. А что до размера — так ведь дети пойдут, места всем хватить должно»

Резьба по дереву у старика Вана была незамысловатой, драконов да фениксов он вырезать не умел, но простые узоры выходили у него на славу. Да и брал он недорого, а дерево выбирал самое лучшее, так что в заказчиках недостатка не знал. Деревенские — народ практичный: им бы чтобы вещь служила долго, а красота — дело десятое. В спальне-то чужие не ходят, рассматривать некому.

Кровать — вещь дорогая, и задаток пришлось отдать немалый. Вечером, когда Фан Цзычэнь вернулся из города, Чжао-гэр решил про покупку пока не заикаться — при его-то характере муж наверняка поднимет его на смех, решив, что тот совсем извелся от нетерпения.

За ужином юноша, стараясь придать голосу будничность, спросил:

— Как прошел твой первый день на новом месте? Привык уже?

На ужин сегодня была грудинка, обжаренная с побегами бамбука. Тонко нарезанный бамбук пропитался мясным соком и был невероятно нежен. Фан Цзычэнь всегда любил это блюдо, а сегодня, после долгой дороги и тяжелого дня, оно казалось ему божественным. Обеденная каша давно «вышла» с первым же походом в туалет, и он проголодался так, что едва успевал орудовать палочками.

Лишь отправив в рот несколько внушительных порций, он наконец ответил:

— Вполне привык! Дел-то — всего ничего: чеки выписывать да сдачу давать. Мигом во всем разобрался.

Супруг положил ему в чашку еще бамбука.

— Сильно устал?

— Да не особо, просто суеты много, — Фан Цзычэнь в долгу не остался и подложил Чжао-гэру самый сочный кусок грудинки, а заметив просящий взгляд Гуай-цзая, оделил и его.

Малыш тут же просиял:

— Спасибо, отец! Ты самый лучший!

Ребенок души не чаял в родителе. Когда тот еще таскал тюки на пристани, мальчик по нескольку раз на дню донимал папу вопросом: «Ну когда уже отец придет? Гуай-цзай очень соскучился!»

Чжао-гэр тоже подложил малышу мяса и продолжил неспешный разговор.

Первый рабочий день Фан Цзычэня и впрямь прошел гладко. В обеденный час, когда наплыв гостей был особенно велик и люди выстраивались в очередь для расчета, юноше даже счета не требовались. Ему хватало одного взгляда на стол и пары росчерков кистью, чтобы вывести итоговую сумму. Пока управляющий Ян возился с одним счетом, новый счетовод успевал рассчитать четверых-пятерых. Сначала некоторые гости, пораженные такой быстротой, боялись ошибки и просили управляющего перепроверить, но когда раз за разом суммы сходились до монетки, все признали его мастерство.

Работа в ресторане имела свои неоспоримые плюсы: кормили там отменно. Впрочем, и стряпня Чжао-гэра Фан Цзычэню очень нравилась. Пусть в ней не было изысков и дорогих специй, но она пахла домом и уютом.

После ужина, когда Гуай-цзай был умыт, а Фан Цзычэнь зашел в комнату, Чжао-гэр, сидя на краю постели, нерешительно заговорил:

— Муж, ты теперь так занят на службе... Останется ли у тебя время на книги? Экзамен-то уже в феврале. Или ты решил подождать еще три года?

Экзамен на туншэна проводился дважды в три года. Фан Цзычэнь еще даже книги не купил, так что учить ему было ровным счетом нечего. Но видя, как сильно супруг переживает за его

учебу, он ответил:

— В трактире не весь день аврал. Народу много только в обед и ужин, а в остальное время — затишье. Мне хватит времени, не переживай.

Заметив, что тревога не покидает лицо Чжао-гэра, он решил раскрыть свои карты:

— Я намерен сдавать в следующем году, не хочу ждать. Сегодня я все разузнал у управляющего Яна: на экзамене требуют багувэнь, цэвэнь да знание канонов. Ничего сверхсложного в этом нет. Кое-что я и раньше знал, так что куплю пару книг, почитаю — и дело в шляпе.

Он говорил об этом так легко, словно сдать экзамен было не сложнее, чем выпить чашку воды.

Чжао-гэр не выдержал:

— В деревне Сяожун есть один ученый, он на туншэна восемь или девять раз подавался, да так до сих пор и не сдал! А ведь он в городе у старого сюцая учится, под присмотром наставника.

Он легонько ткнул мужа в бок и добавил серьезно:

— Это очень трудный экзамен.

— Знаю я, знаю, — Фан Цзычэнь поймал его руку и стал нежно перебирать пальцы. — Выбрось эти мысли из головы. Стать сюцаем с наскока я, может, и не обещаю, но уж туншэна-то как-нибудь одолею. Не будь я в себе уверен, не стал бы и говорить. Мне тоже не улыбается потом краснеть за свое хвастовство.

— Отец! — Гуай-цай, прижимая к себе дневную одежду, выудил из кармана горсть арахиса. — Это тебе и папе.

— Ого! Где раздобыл? — Фан Цзычэнь подбросил орешек в воздух и ловко поймал его ртом.

Малыш в восторге захлопал в ладоши.

— Отец, ты такой крутой!

— Это что! Сейчас я тебе настоящее чудо покажу, — мужчина велел сыну открыть рот, а сам отошел к изножью кровати и, словно целясь в корзину, забросил арахис прямо Гуай-цаю в рот.

Орех угодил точно в цель, и мальчик, от неожиданности сглотив, растерянно захлопал

глазами:

— Папа... я его проглотил.

— Как проглотил?! — лицо Фан Цзычэня изобразило крайнюю степень ужаса. Он в два счета оказался рядом с сыном и потрогал его живот. — Барбекю... Полный капец. Мы пропали!

Гуай-цзай не понял странных слов, но по тону отца догадался: случилось что-то страшное.

Чжао-гэр только вздохнул. За время совместной жизни он уже изучил нрав супруга: сейчас наверняка начнет плести небылицы, чтобы подразнить ребенка.

И точно — Фан Цзычэнь загробным голосом произнес:

— Орешек-то теперь у тебя внутри прорастет.

Малыш, склонив голову набок, смотрел на него с недоверием.

— Прорастет-прорастет, — настаивал Фан Цзычэнь. — Пустит корни, а ростки ползут из носа, из ушей, изо рта... Всё, конец! Будет у меня вместо сына арахисовое чудище.

Чжао-гэр: «...»

«Ну кто, кроме этого сорванца, поверит в такую чушь?»

— А-а-а! — Гуай-цзай, схватившись за живот, бросился отцу на шею. В его глазах заблестели слезы. — Отец, я не хочу быть чудищем! Помоги мне, папа!

Чжао-гэр поднялся:

— Пойду ноги помою. Раз сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай.

Мужчина не ожидал, что малыш так легко испугается. Откашлявшись, он продолжил импровизировать:

— Ну-ну, не плачь. Есть один способ. Мы сейчас его водой зальем. Устроим наводнение в животе, он и завянет, не успев прорасти.

Гуай-цзай шмыгнул носом:

— Хорошо.

Лишняя вода ребенку не повредит, так что Фан Цзычэнь, под строгим взглядом супруга, скормил сыну пол-миски воды. После чего, торжественно погладив маленький животик, изрек:

— Всё, сынок, я чувствую — он погиб. Наводнение сработало.

— Угу, — Гуай-цзай громко икнул и просиял. — Значит, я не буду чудищем!

Фан Цзычэнь с самым серьезным видом, в котором не было ни капли раскаяния, добавил:

— Запомнил урок? Впредь еду надо тщательно пережевывать, прежде чем глотать. Понял?

— Понял! Гуай-цзай всё понял!

— Вот и молодец. Мой сын самый умный.

Чжао-гэр глядел на них, и в голове его не находилось слов.

Посреди ночи Фан Цзычэнь почувствовал неладное. Сквозь сон он коснулся штанов и... мгновенно окончательно проснулся. Почему всё мокрое? Причем именно в промежности, да и рубаха промокла наполовину.

Первой мыслью было, что он сам сдуру обмочился во сне, но тут Гуай-цзай перевернулся на бок, и до носа мужчины долетел характерный запах. Всё стало ясно. Малыш лежал на спине, раскинув ручки, как спят все младенцы, и сладко посапывал. Фан Цзычэнь, чувствуя досаду, не удержался и легонько ущипнул его за щеку. Гуай-цзай лишь забавно чмокнул губами, как поросенок, и отвернулся к стене.

Обычно ребенок не марал постель — перед сном Чжао-гэр всегда водил его в нужню. А сегодня...

Фан Цзычэнь и злиться-то не мог — сам виноват, сам и расплачиваюсь за свои шуточки!

Он тихонько встал с кровати. Едва он обулся, как раздался заспанный голос супруга:

— Что случилось? Еще темно. В нужню хочешь?

— Я тебя разбудил? — шепотом спросил Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр покачал головой. Ночи были темными, луны не видно, так что он просто прислушивался к шорохам.

Недавно Фан Цзычэнь привез из города новую ткань, и Чжао-гэр с помощью тётушки Лю сшил всем по новому комплекту одежды. Не будь его — пришлось бы Фан Цзычэню досыпать нагишом.

В углу комнаты стоял небольшой деревянный сундук, где юноша хранил чистое белье. Вещей было немного, так что Фан Цзычэнь быстро нашел нужную одежду. Он выудил футболку, в которой когда-то попал в этот мир, и протянул её Чжао-гэру:

— Переодень этого негодника.

Голос его звучал с легким раздражением. Чжао-гэр, окончательно проснувшись и вспомнив про вечернее «водопоище», всё понял. Он лишь подивился: как это муж, обычно спящий беспробудным сном, так быстро почуял неладное?

Фан Цзычэнь, повернувшись к нему спиной, принялся стягивать мокрую рубаху, и в этот момент услышал тихий смешок.

— Тебе еще и весело? — буркнул он.

Он уселся на край кровати, пока Чжао-гэр ловко раздевал спящего малыша. Фан Цзычэнь не удержался и шутливо щелкнул Гуай-цзая по его маленькому «хозяйству»:

— Мелкий разбойник... Окропил меня с ног до головы. Я, грешным делом, в первую секунду подумал, что это я сам оплошал.

— Сам и виноват, — резонно заметил Чжао-гэр. Гуай-цзай даже не проснулся — он привык к заботливым рукам папы.

<http://bllate.org/book/15357/1423614>